

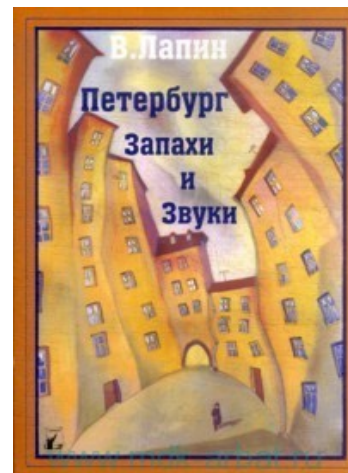
СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА: НЕОБЪЯТНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И МНОГОЭТАПНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-БЫТОВОГО УКЛАДА

Впервые в отечественной культурологии В.В. Лапин в своей книге «Петербург. Запахи и звуки»¹ рассматривает бытие Санкт-Петербурга через призму запахов и звуков, наполнявших великий город в разные периоды его трехвековой истории, опираясь при этом на общеизвестную схему Н.П. Анциферова: город уподобляется живому существу с его анатомией, физиологией – и особой психологией.

Книга: вступление, заключение, шесть глав между ними, – это целый мир, созданный из текстов-фрагментов, «тематических новелл», воскрешающих образно-акустическую и ольфакторную «запаховую» среду, заново формирующих для читателя утраченные (навеки, давным-давно, вполне заслуженно и безвозвратно) миры, словно добротное «произведение эпохи реализма». Школа М. Пруста с ее прихотливыми лирико-ассоциативными поисками утраченного времени остается в стороне, хотя образные ассоциации лежат в основе исследования, потому что этот «рассказ о былом» есть одновременно *исследование*. Глубокое, но без «надувания щек»; тонкое, но не претендующее на художественные или, тем более, высоконучные открытия.

Хорошо продуманная, правильно выстроенная описательность формирует образ эпохи. Описывая быт в определенном контексте (или дискурсе, если угодно), автор повествует о *предках* – людях-мирах, народах-культурах, устремлениях и упованиях, реализованных отчасти в настоящем или забытых, даже смешных (по наивности или еще отчего-то) сегодня. Нельзя *попросту* рассказать о былом, не формируя его картин. Осознавая опыт ушедших веков, мы во многом заново формируем себя, поэтому эпоху (свою родную, но и минувшую, былую, а через это желательную и грядущую, – т.н. «прекрасное далёко») необходимо ясно видеть, хорошо слышать – и еще чутко, чтобы *понимать*. Бытие минувших поколений имеет свою технологическую специфику, не всегда приятную потомкам, особенно в социальной сфере. Улица и жилище, «черный» чулан и парадная лестница, канцелярское «присутствие» и заводской цех, окраинный пустырь и кафедральная церковь достаточно строго детерминированы в сфере запахов и звуков...

Автор книги говорит столь же ярко, сколь и чувствует, у него великолепное чутье. «Выражение “я это чую!” означает наивысший градус уверенности и столь же предельный уровень невербализуемости. Звуки и запахи исчезают вскоре после своего рождения, они вечно юные и одновременно вечны в своей повторяемости. Ничтожная часть их – сознательные послания, остальные служат для пробуждения ассоциаций с мощной эмоциональной окраской». <...> «Звуковой и ольфакторный фон по своему воздействию более всего похож на архитектурное окружение: человек практически не способен уклониться от его постоянного воздействия, причем воздействия постоянного... Разница между криком питерской торговки «селетки галанский!» и его транскрипцией не меньше, чем между живым человеком и его фотографией. Особая мелодия разносчицы – столь же значимая составляющая великопостной торговли, как и сам товар. Сельдь не перевелась, а вот бойких крикуний уже давно нет. Шумы и запахи помогают человеку ориентироваться в

¹ Лапин В.В. Петербург. Запахи и звуки. – СПб.: Европейский дом, 2007. – 282 с., илл. Владимир Викентьевич Лапин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

пространстве и времени, создают необходимый уровень психологического комфорта», изменения же в привычном фоне нас травмируют, оставляют шрамы, так же, как изменения в архитектуре городской среды [с. 279–280].

Об изменениях акустического и ольфакторного фона (звуков и запахов) В.В. Лапин задумался несколько лет назад при подготовке учебного курса «История России в рамках технологий» (Европейский университет, Санкт-Петербург). Изучение ароматов и запахов, звуков и вибраций – почва уже известная в науке, но говорить об исследованности этой сферы, как о чем-то достаточно заурядном, нельзя. Автор книги явно скромничает, умаляет свою роль, перечисляя предшественников по стезе, к тому же целостный принцип исследования городской среды (по Анциферову) в этой сфере дело очень кропотливое, требующее не просто научной эрудиции, но и систематизации всей «образности», что затрагивает и эстетику, и филологию, и архитектуру с искусствоведением, и премногие сферы того, что сегодня именуют культурологией. Знание историографии помогает, разумеется, но не спасает; тут нужны собственные «ключи эпох», ибо поверить алгеброй гармонию можно только «взаимно-перекрестным опылением», детальной реконструкцией быта-мировоззрения и ценностных установок.

Востребованность темы реконструкции былого в художественной литературе, о чем свидетельствует относительно недавний успех романа П. Зюскинда «Парфюмер» (и целой серии романов медиевиста У. Эко, наиболее известным из которых является «Имя розы», а до того – новелл Х.Л. Борхеса, а до того – романов и новелл М. Юрсенар, А. Франса, А.Н. Толстого, Г. Сенкевича и др.) показывает, что и в Западной Европе, и в России чрезвычайное внимание уделяется былому – «ушедшему в Лету». Потребность в «федоровско-историческом», библиотечно-музейном по духу воскрешении предков своих в своем же сознании можно при желании считать неоромантизмом, но тогда любое «культурное» мировоззрение – романтика. В России и СССР историческая проза всегда занимала почетное место на полках библиотек и домашних собраний. Для нас отсутствие «глубокого, то есть исторического» мировоззрения уже более века, с конца XIX столетия было признаком бульварной беллетристики, «желтой» журналистики, ныне якобы властвующей умами. Никто не требует рыданий на могилах или особенной любви к минувшему, но постижение былого (т.е. его *понимание*) нынешним гражданам России необходимо. Для Петербурга – Петрограда – Ленинграда – Питера история быта важна, как нигде в России, поскольку этот город был не просто столицей, но «окном в Европу». Российская империя строила государственный быт-уклад по Санкт-Петербургу, да и в советскую эпоху «колыбель трех революций» значила немало.

Термин «культурная столица» родился до распада СССР, параллельно с «городом на Неве», но, как и сейчас, не все его признавали достоверным. Проще и безопаснее – «Северная Пальмира», «северная Венеция», «град Петров» и тому подобное, ни к чему не обязывающее, хотя обязательства существуют, – еще какие! Неслучайно, друзья и недруги России признаются в любви или ненависти к этому городу.

Само по себе наличие Петербурга уже есть обязательство России играть видную (или даже ведущую) роль в мировой культуре и, как следствие, в политике, – чтобы не «догонять» или «обгонять» кого-либо, но продуцировать нечто очень важное. То, без чего «евроцивилизация» расточится и сгинет, невзирая на благоухающие ватерклозеты.

Сезонность и устойчивость, гаммы запахов

«Все мы родом из детства», – сказал один пилот и писатель. Любой из нас помнит запахи и звуки детства: ветер с реки или с моря, уличный бензиновый угар, парадные марши и музыкальную классику из детекторной «точки», и запах золы, выгребаемой из печи, и аромат любимых маминых духов, и проникаемую, уязвимую тишину летней ночи в «негородской» среде, и шум зимнего трудового дня возле городского центра! Времена меняются, с ними меняемся и мы, но того, что было, не изменить, его нужно помнить. Зачем? Затем, что без реалий прошлого мы – «трость, ветром колеблемая».

Родословные книги ни при чем, как и этнические реалии вроде высоких скул, цвета кожи. Мы либо наследники, либо манкурты, третьего не дано. Проще всего, кажется, систематизировать приметы утраченного (избытого) времени по образно-литературным иерархиям, однако «при реконструкции событийной истории литературные дарования ученого составляют лишь незначительную часть его арсенала. Гораздо большее значение имеет уровень владения ремеслом историка, аналитический потенциал, основательность источников («база»). Попытки погрузить читателя в «атмосферу эпохи» предполагают способность трогать не только ум, но и душу. Задача осложняется тем, что историк должен сам и воспринять эмоциональный заряд, и перенести его через временное пространство. В ряде случаев выручает цитирование, значительно уменьшающее влияние посредника. Но часто такой возможности нет, и единственным способом является реконструкция, <...> однако всякое возвращение из небытия ущербно по определению. Можно опытным путем выяснить, как пахло в комнате при длительном горении пятилинейной керосиновой лампы, каково находиться в сыром и непрветриваемом подвале, что вносило в атмосферу жилого помещения натирание натуральным воском полов и деревянных деталей мебели, можно даже вырастить в оранжерее ананас, нюхать его и представить себя помещиком. Однако все это – не более чем отдельные составляющие общего фона, значение которых для его формирования никто оценить не в состоянии. Запахи и звуки, сопровождавшие жителей Петербурга на протяжении трех столетий, не могли сохраниться по «технической» причине: человеческая культура не создала носителей адекватной информации <...>. Колоссальный по своему значению эмоциональный мир ушел вместе с формировавшими его запахами и звуками <...>. Когда же в эпохи культурных скачков обиход становился событием, превращался в предмет анализа и дискуссий, обстановка оказывалась столь турбулентной, что запахи и звуки терялись в потоках визуальных впечатлений. Скорее исключение составляли те случаи, когда перемены, затрагивая эмоциональную сферу, акцентировали внимание на запахах и звуках, и чем радикальнее были перемены, тем более сильным был этот акцент» [с. 19].

Автор монографии рассказывает об экспериментах, проведенных психологами, но и так ясно, что обонятельное восприятие зависит от эмоций, связанных с тем или иным запахом. Запахи казенной гимназии были ненавистны А.Н. Бенуа из-за *кислого* аромата хлебной выпечки, «в отдельности» ему приятном, но в контексте гимназическом – невыносимом. Душевный дискомфорт привел к тому, что будущего художника перевели в частную гимназию К.И. Мая [с. 20].

Сходный случай – у А. де Кюстина. Петербург николаевской эпохи у него таков: «люди светские пахнут мускусом, простонародье же – кислой капустой, луком и старыми смазными сапогами. Дух этот устойчив и неизменен.» Вместе с тем другие французы и взыскательные иностранцы почему-то отмечают, что русские крестьяне «телесно» более чистоплотны, чем селяне в других странах. Неприятное пахнет плохо; непонятное-ненавистное – втрое, а тем более «социальное» прошлое твоей же страны.

Акустические впечатления, ритмы звучаний на фоне прибой Балтики и плеска Невы

Сын гильотинированного генерала революции, если ему верить, приехал за «монархическим» вдохновением, но угодил во *вчерашний день* Франции. Символом Петербурга для него стала «давящая» тишина, хотя ничего подобного не было, грохота и крика хватало в избытке, но если хочется могильной тишины, то ее и слышишь [с. 21–23]. Вот как это работает в документальном жанре художественными методами.

Ритмы шумов и тишины – городская симфония, уникальная и невоспроизводимая. Петербург и в прошлом, и ныне изобилует звуками-ритмами, голосами-мелодиями. Более половины книги посвящено звукам – от пушечных салютов, праздничного благовеста и гвардейских оркестров до репродукторов с «тиканием» блокадного метронома. Музыка

тишины, мимолетного ночного покоя и музыка движения, бодрствования – целостная гармония бытия, тем более полного, чем больший объем событий за ним сосредоточен.

В.В. Лапин использует, цитируя, лирические описания городского быта Пушкина, Некрасова, Саши Черного и Андрея Белого. Поскольку известный отрывок из «Полтавы» и ныне дети заучивают в школах наизусть, они поневоле помнят и о «барабанном» пробуждении великого города, унаследованном от XVIII века, а вот некрасовское описание трудового дня вряд ли пользуется популярностью у юных культурологов, несмотря на свою вполне документальную, по сути, достоверность:

*...Начинают ни свет, ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных –
Все сливается, стонет, гудёт,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушится хочет.
Давка, говор... (о чем голоса?
Все о деньгах, о нуждах, о хлебе.)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.*

Некрасовские интонации – не просто начало индустриальной эры, нервный говорок разночинца. Ритм безнадежности и одиночества, отлученности от патриархального быта, привычного и крестьянину, и помещику, и *городскому* торговцу, и мастеровому. Городские разночинцы мечтают о собственном «домике в деревне», о чистом воздухе и кислом крыжовнике, лавочники летом ходят на охтинские дачи – час туда, час обратно, но вот уже и двадцатый век, не девятнадцатый, также по-блоковски «железный, воистину жестокий»... Саша Черный считается «юмористом», уникальным сатириком, но его картина Петербурга вполне трагична, практически безысходна:

*Белые хлопья и конский навоз
Смésились в грязную желтую массу и преют.
Протухшая, кислая, скучная, острая вонь...
Автомобиль и патронный обоз.
В небе парЫ, разлагаясь, сереют.
В конце переулка желтый огонь...
Плывет окровавленный пьяный!
И скрылся, качаясь, – нелепый, ничтожный и рваный.
Сверху сочится какая-то дрянь...
Из дверей извозчичьих чадных трактиров
Вырывается мутным снопом
Желтый пар, пропитанный шерстью и щами...
Слышишь крики распаренных сиплых сатириков?
Они веселятся... Плетется чиновник с попом.
Щебечет грудастая дама с хлыщами.
Орут ломовые на темных слоновых коней,*

*Хлещет кнут и скучное острое русское слово!
На крутом повороте забили подковы
По лбам обнаженных камней –
И опять тишина.
Пестроглазый трамвай вдалеке промелькнул.
Одиночество скучных шагов... «Кар-ра-ул!»
Все черней и неверней уходит стена,
Мертвый день растворился в тумане вчерашнем...
Зазвонили к вечерне.
Пей до дна!*

Очевидна интонационная переключка с Блоком², Булгаковым и Маяковским, очевидно влияние на Багрицкого и Олеси, ужасно далеких от Питера, как очевидны у автора его убогое место обитания, ущербный статус и «затруднительные материальные обстоятельства». Однако перед нами не просто «горожанин и внук горожан», по выражению Мандельштама, это *поэт города*, которому в деревне делать нечего, еще *скучнее* жить, хотя куда уж тоскливее – и бессмысленнее? Настойчивость в заунывном повторении одних и тех же звуков-запахов-пейзажей вовсе не свидетельствует о бедности воображения – В.В. Лапин в этом полностью согласен с Н.П. Анциферовым: «В этом однообразии есть ритм, указующий на глубину пережитого. Это возвращение к одним и тем же идеям, настроениям поэтов разных индивидуальностей, различных школ говорит об известной объективности образа Петербурга, начерченного художниками русского слова» [с. 26].

Этот европейский (в большей степени, чем любой другой русский город) полис был обречен на негативное отношение уже потому, что его создали как столицу «страны, аграрной по своему духу». У Блока, однако, все иначе, великий город принял особую миссию, его звуки – «звоны ледохода на торжественной реке, /Переключка парохода /С пароходом вдалеке» – и симфоничны, и гармоничны, но нет смысла пересказывать всю эту великолепную монографию, лучше один раз ее прочитать, а потом перечитать, и перечитать гениев Петербурга – от Пушкина до Блока, от Мандельштама и Ахматовой до Бродского и Кушнера, чтобы совсем уже настроиться на «вживание в былые эпохи». Право, книга того стоит, при внешней простоте и эмоциональной доступности, потому что автор, опираясь на концепцию Н.П. Анциферова, также находит точки пересечения фантазий и реальности. Петербург здесь напоминает «коралловый риф» на пересечении европейских и азиатских культурных течений, хотя ни Азия, ни Европа в этом городе не существуют в «чистом» виде, даже когда речь идет о немцах, финнах и поляках, бывших постоянной частью его населения, хотя, увы, «европейская планировка и архитектура столицы во многих случаях не учитывали местного климата», но зима все равно была суровой, весна пахла пасхальными куличами, а белые ночи оказались уникальными опорными сферами для описания лета по причине его «дачности» [с. 37].

Вместе с тем это город индустриальный – неслучайно сейчас разворачивается в нем производство техники (совместно с японцами, европейцами и американцами). Тусклые керосиновые фонари ушли, но туман на улицах остается, яко же и «петербургский сплин». Барабанный бой марширующей императорской гвардии и пионерских отрядов 20-х и 30-х годов XX века сменился барабанными же ритмами «пиарных» акций, народных гуляний и даже карнавалов, преемственность налицо. Причудливая, – недоевропейская, полуазиатская? Общечеловеческая, а то даже и «всечеловеческая», сказал бы Достоевский.

² «И, взглядом встретившись с прохожим,/ Ему бы в рожу наплевал,/ Когда б желания того же/ В его глазах не прочитал» (поэма «Возмездие»). Блок – родоначальник многих течений в российской поэзии, в т.ч. и *революционных*.

Стайкою наискосок: за звуками – запахи, и все сначала

Звуковой фон XIX века днем во многом определялся пушками, благовестом и шарманкой, века XX – репродукторами и трамваями. «В целом голос города становился все более громким», к 1912 году «ушла поэзия Невского проспекта» [с. 79.] «Пушечные куранты» остались приметой Питера, никакой другой город России не сумел сродниться с таким способом подачи сигналов точного времени и новостей императорского двора. Комплексное воздействие акустических и ольфакторных впечатлений с впечатлениями визуальными имело значение для формирования представлений столичных подданных об устройстве мира и их собственном месте в нем. «Массовые государственные мероприятия, наполненные пушечным грохотом, музыкой и колокольным звоном, давали максимальный результат синхронизации верноподданнического чувства, поскольку тысячи людей одновременно видели, слышали и ощущали одно и то же» [с. 129]. Из-за несовпадения церковных календарей немцы-лютеране и поляки-католики «шумно отмечали пасхальную неделю», в то время как православные еще постились, но это ни у кого не вызывало недовольства, поскольку в те времена «статусные маркеры» располагались в обществе совсем иначе.

Благоухание – привилегия храмов и дворцов, те или иные разновидности смрада – примета лачуг-хижин, обветшавших «коммуналок»... Как известно, обоняние – слабый помощник при ориентации в потоке событий, но в общей оценке этого потока ольфакторные впечатления могут составить завидную конкуренцию зрению и слуху.

«С древнейших времен вонь связывалась в обыденном сознании со злыми потусторонними силами, а благоухание – с благодетельными божествами» [с. 14]. Зловонием всегда маркируется общественное неустройство, – об этом хорошо сказал Георг Зиммель: «Обонятельные ощущения не сравнятся с восприятиями других чувств по описуемости словами, их невозможно спроецировать на уровень абстракции. <...> Никакое зрелище пролетарской нищеты и уж тем более реалистический рассказ о ней, кроме самых вопиющих случаев, не потрясет так чувственно и непосредственно, как тот дух, что встречает нас, когда мы входим в подвальную квартиру». Соблюдение требований гигиены, характерное для налаженного быта и стабильного в *благополучии* социума, при модернизационных процессах – не только революции как таковой! – оказывается «необязательным». Павел I приказал устроить в роскошных залах конюшни исключительно из ненависти к памяти Г.А. Потемкина, превратив тем самым Таврический дворец в «тварический». Как известно, люди, отчего-либо приученные к скотским условиям существования, мстительны. Ю.А. Анненков оставил описание дома в Куоккале (жилища «выше среднего достатка») после того, как там побывали красноармейцы, посчитавшие священным долгом украсить означенный дом фекалиями и сломать все что возможно, чтобы окончательно изничтожить ненавистный миропорядок, в т.ч. и осквернением его «запаховых» устоев, господских по духу [с. 14]. Когда человек с детских лет «сословно-социально» пахнет квашеной капустой и сапожной ваксой (это еще не худший случай), «господские» ароматы (даже эрзац-кофе и дешевого «унтер-офицерского» одеколona) становятся не просто враждебными, но унижающими человеческое («крестьянское» или «пролетарское») достоинство его.

Вместе с тем, однако, запах большого города как «культурной вселенной» – особая статья. «Запах и гарь города» – дух индустриально-модернизационного центра – даже для боевика-эсера имеет особую притягательность. «Как хорошо пахнет Петербургом!» – говорит обреченный смерти террорист. Запахи большого города несут на себе клеймо исторических перемен, причем весьма многообразно, многослойно [с. 15–17].

Изначально каменный град Петра пах деревом, горящим и гниющим (торцовых мостовых). Летом на дровяных плитах готовили пищу и грели воду; зимой же город пропитывался запахом топившихся печей. Сажа от миллионов сгоревших деревьев оседала на кариатидах и атлантах. «Чтобы быть европейским, Петербургу надо было окутываться дымом, подобно тому, как в северных губерниях приходилось спасаться от

зимы, как спасали от губительных заморозков цветущие сады» [с. 40]. Снеготаялки, растапливавшие собранный дворниками снег, были намного дешевле вывоза снега, но топливная проблема существовала всегда; полиция специально следила, чтобы никто не приобретал дров больше «нормальной» потребности, и доминирование дровяного дыма при вкраплениях дыма угольного показывало противостояние России и Запада, – это отмечали такие писатели, как Достоевский и Бунин [с. 41–43]. Питер – не просто самый северный из крупных городов Земли, он воистину «самый дорогой» из городов. Ветер его – особая стихия, это и звук, и запах, это ночные стоны деревьев и дымовых труб, это хоровое пение бедствий, это выстрелы, оповещающие о наводнениях. «Дух воды» – от Невы и моря разносится непомерно шумным «духом ветра» [с. 44–46].

Шум также имеет статусное наполнение, его интенсивность сословна. Экипажи, грохотающие по булыжнику, были истинным бедствием в ночное время, поэтому возле домов, где были больные, на мостовые стлали солому. Удары копыт, грохот колес по булыжной мостовой и более мягкое звучание при проезде по деревянной торцовой мостовой – еще одна примета XIX века, как укладка асфальта, описанная в стихах А. Белого, примета века XX. «Покрытие площадей и улиц имеет огромное значение для формирования городского ландшафта, из-за чего мостовую называют пятым фасадом. Материал, из которого она изготавливается, влиял не только на визуальное впечатление. От него зависело, какие звуки и запахи будут обдавать прохожих и проезжих», – деревянные мостовые горожане XIX века именовали «клавикордными», так как экипаж прыгал по бревнам, как по клавишам. По мере продвижения от центра к окраинам качество и площадь мощения уменьшались, и торцовая мостовая считалась лучше булыжной (несмотря на впитывание ею запахов и гниение) уже только оттого, что обеспечивала мягкость и относительную бесшумность езды. В монографии приводятся статистические данные, – какой малый процент был у торцевых, какой преобладающий у булыжных мостовых, приводятся также аргументы гигиенистов и экономистов, журналистов и полицейских [с. 51–53]. Беда, конечно, что в период революции и топливного голода торцевую мостовую разобрали на дрова, но зачем говорить о частностях, если нельзя пересказать *целостную картину исторических трансформаций*, формируемую книгой? Нельзя цитировать бесконечно, скользя через эпохи! Информационные блоки, посвященные революции и блокаде, рассказ о городском транспорте и промышленности Петербурга достойны отдельной рецензии³.

Модернизация национального бытия через окультуривание быта представлена тут фактографически. Читатель не пожалеет, изучив рекомендованную книгу. Постигание «психофизиологии» Петербурга по Анциферову и Лапину – занятие увлекательнейшее.

Источник: *Культура в современном мире*. — 2010. — № 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [URL: http://infoculture.rsl.ru](http://infoculture.rsl.ru)

³ В прямой связи с книгой В.В. Лапина пребывает и всеобъемлющая (в «культурологически-бытовом» смысле) «энциклопедия эпохи» в следующем издании: Засосов Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX – XX веков. – М.: Молодая Гвардия. – 2003. – 467 [13] с.: ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).